



БАРВИНОК

Журнал ЦК ЛКСМУ и Республиканского Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
для школьников младших классов

№ 6

ИЮНЬ
1964



СТОЛ МИРА

Леонард КОНДРАШЕНКО

Чтобы к народам
Мир пришёл
И прочно
Утвердился в мире,
Пусть сядут все
За Круглый стол,
Пусть будет он
Как можно шире!

Но прежде
Сделать
Стол должны
Таких размеров
Небывалых —
Величиною в полстраны
Или в страну,
Коль будет мало!
И, чтоб свободно
Сесть могли
Все люди:
Чёрный, жёлтый, белый,
Пускай все столяры Земли
Скорее примутся
За дело!
Пусть миллионы мастеров
Заказы прочие
Отстрочат!
Пусть миллионы топоров

Они как следует отточат.
И пусть со всех материков
Те мастера
Придут гурьбою,
Пусть миллионы молотков
Они скорей несут с собою.

Пусть миллионы острых пил
Поют по рощам и дубравам,
Чтоб этот стол
Сработан был
Руками добрыми на славу!

Пусть мастера
Хоть целый год
Над ним работают до пота.
Спасибо! —
Скажет им народ
За их чудесную работу!

Рисунки В. КАВУНА и Е. КОЛЕСОВА



ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ

Ирина КУЛЬСКАЯ

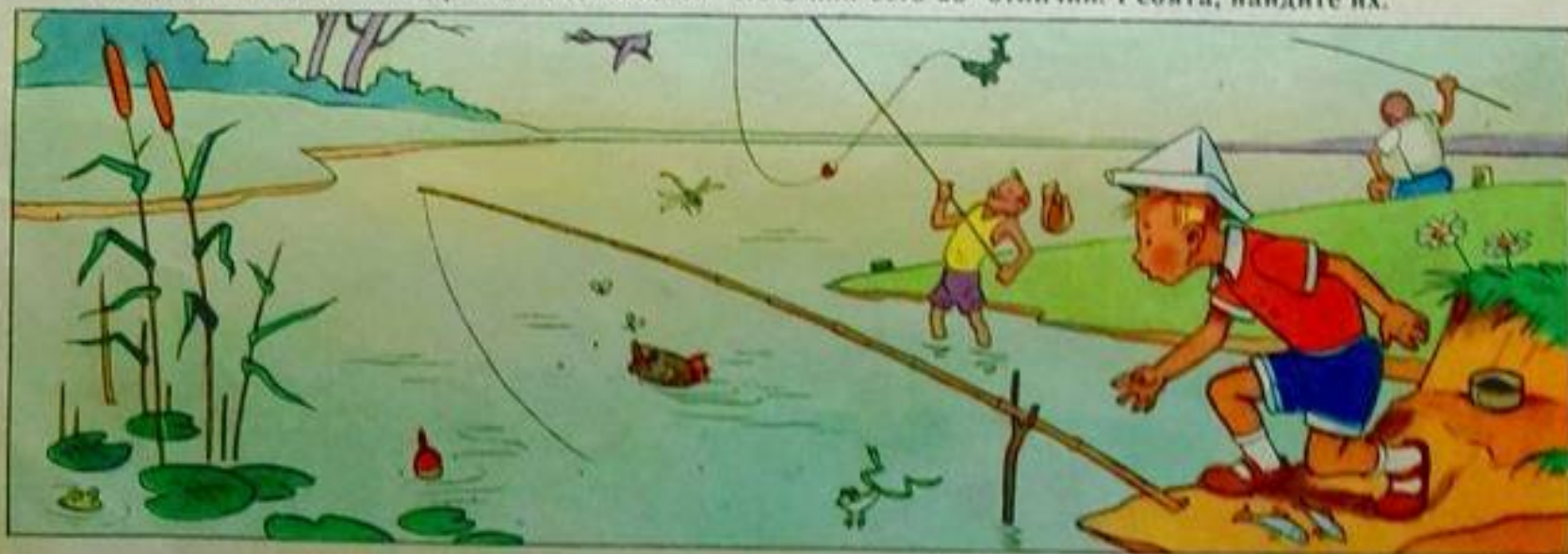
За речкою Быстрыною,
Листвою шевеля,
Над белыми палатками
Склонились тополя.
Гуляет меж палатками
Весёлый ветерок,
На мачте аж до солнышка
Взлетает наш флажок.
Мы на линейке строимся,
Ровняем ряд плечом,
Спросили мы вожатую:
— Куда сейчас пойдём!
— На лодке покатаемся
По голубой волне.
Кому на вёсла хочется!
— Мне!
— Мне!
— И мне!
— И мне!



Три дня уже я в лагере,
А другу не писал.
Едва в тетрадке вместится
Всё то, что я андал.
Беру перо и слушаю:
— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!
Письмо закончу, двинемся
Купаться на реку.
О чём писать товарищу!
На речку я спешу.
Кладу тетрадку в сторону, —
Открытку напишу.
Здесь так ребятам весело,
Такой тут славный край...
Пишу:
— Чудесно в лагере,
Скорее приезжай!

Перевод с украинского
Б. ПАЛИНЧУКА.

На первый взгляд эти картинки одинаковы. Но в них есть 25 отличий. Ребята, найдите их.





БЫЧОК

Литовская народная игра

В эту игру играют так.

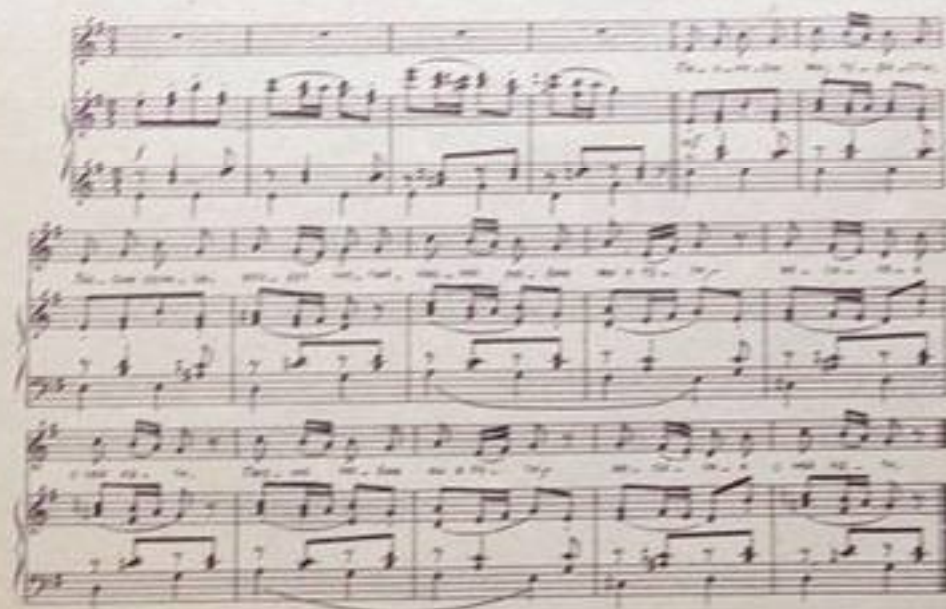
Одного из детей выбирают «бычком» и «привязывают» к дереву. «Бычок» держит в руке свободный конец верёвки, длина которой должна быть 2—3 метра. Возле дерева кладут какую-нибудь вещь: платочек, шапку или что-либо другое. Эту вещь «бычок» должен охранять, чтобы её не схватил кто-нибудь из детей. «Бычок» не имеет права отбегать от дерева дальше, чем позволяет длина верёвки. Если он дотронется рукой до кого-либо из участников игры, то меняется с ним местами, и игра продолжается.

«Бычка» выбирают так же, как и в прятки, при помощи считалки.



Рисунки М. НЕЧИПОРЕНКО

ПЕСНЯ ПИОНЕРОВ-ТУРИСТОВ



Пионеры мы, туристы,
Любим солнце, воздух чистый,
Песню любим мы в пути, —
Веселее с ней идти.

Здравствуй, солнца луч искристый,
Здравствуй, речка и лужок!
Мы попросим баяниста, —
Веселей играй, дружок!

Ночью — пламенный и ясный —
Наш костёр горит — не гаснет.
Завтра снова в путь с утра,
Спи до завтра, детвора.

Музыка И. Княшко
Слова П. Голубничего

Рисунки В. ГРИГОРЬЕВА



МОЛНИИ НАД ДЖУНГЛЯМИ

Нигерия — большая страна в Западной Африке — почти сто лет была английской колонией, то есть порабощённой землёй. Недавно нигерийцы добились независимости своей страны и начали уничтожать следы хищнического господства колонизаторов.

Ниже печатаем отрывок из путевых записок журналиста Леонида Корявина, который путешествовал по этой стране.

До прихода нашего катера оставалось полчаса. Мы сидели на пристани и пили прохладительный напиток — жара ведь страшная. Наш проводник Алкова разглаживал широченными ладонями лежавшую на столе карту и говорил:

— До устья Нигера идти недалеко. А там вверх против течения мы поплывём медленнее, но это хорошо. Вы больше увидите, сфотографируете. На нашем пути встретятся деревни. Мы побываем у крестьян. Маршрут наш очень интересный...

— А вот и наш «Агу», — указал Алкова на подходивший к пирсу катер. «Агу» в переводе с языка народности йоруба значит — тигр. Матрос, высокий негр с татуировкой на лице, бросил канат. Мы быстро собрали гамаки, бачки с питьевой водой, спиртовку и другое имущество и перенесли всё это на «Агу». Он и впрямь рычал своим мотором, как настоящий тигр.

Прошло около часа, и мы были уже далеко в

океане. Волны, словно играя в чехарду, набегали одна на другую. Они пенились, ударяя о борт катера, и разбрасывали хрустальные брызги на палубе. В лицо ударил горячий, смешанный с горьковатой влагой, ветер. Переход до устья Нигера тянулся довольно однообразно. Ночью, просыпаясь в кубрике от духоты и поднимаясь на палубу, мы любовались картиной тропической ночи. Казалось, за крупными звёздами кто-то спрятал невидимые прожекторы, которые подсвечивали звёзды и делали их ещё ярче.

На второй день пути мы заметили, что вода стала менять оттенок. Мы входили в устье Нигера. Казалось, вот-вот перед нами вынырнет тёмная глыба бегемота или, извиваясь, проскользнет аллигатор.

Вскоре показались рыбацкие лодки — узенькие каноэ с обветшалыми парусами. Одна из них поравнялась с нами. Двое рыбаков, единственной одеждой которых были набедренные повяз-



ки, помахали нам руками и что-то прокричали, показывая на блестящую на дне каноэ рыбу. Алкова пояснил, что рыбаки предлагают её купить. Катер замедлил ход. Теперь были хорошо видны лица рыбаков и сама лодка. На носу лодки была вырезана голова акулы. Вместо зубов в её пасти торчали острые камни. Один из рыбаков, ловко ухватившись рукой за поручни, вскочил на палубу катера. Только тогда мы заметили, что у него нет правой руки. Вместо неё — обрубок. За спиной рыбака висел огромный кувшин, выдолбленный из тыквы. Он перевернул его, и на палубу шлёпнулось с десятков крупных рыб. Алкова заговорил с рыбаком, и мы поняли, речь шла не о цене. Скоро он поведал нам историю безрукого рыбака. Однажды в океане ему пришлось схватиться с акулой. Акулу убил, но сам едва не погиб. Его спасли подоспевшие рыбаки, но он навсегда лишился руки.

Мы заплатили рыбаку за рыбу. Лодка с одно-руким моряком удалялась, освещённая лучами солнца. Вскоре она слилась с волнами, и только парус изредка показывался над гребнями.

Сто лет назад такие же люди, на таких же лодках увидели поднимающиеся вверх по Нигеру военные суда. Орудия на их бортах были обращены к берегу. Англичане огнём и мечом покорили нигерийскую землю, захватили богатства нигерийского народа.

Наконец наш катер подошёл к населённому пункту, первому на нашем пути. Ещё издали мы заметили странные домики. Их «фундаментом» была... вода. Они стояли на невысоких сваях и вклинивались в реку. У одного из домиков мы остановились. Крыша была сделана из высушенных банановых листьев, стены — из тростника. Окон не было видно, вместо дверей зияла чёрная узкая щель. Матрос несколько раз что-то крикнул, но никто не отозвался. Наконец, гремя цепью, на узеньком мостике появилась обезьяна, подозрительно поглядывая на нас. Послышался детский плач. Сойдя на мостик, мы увидели двух ребятёшек лет трёх-четырёх. Они, как и обезьяна, были привязаны, правда, не цепью, а верёвками. Родители, видимо, ушли в поле, а детей привязали, чтобы они не попадали в воду. Глядя на этих смуглых мальчуганов, я невольно вспомнил заносчивых, богато одетых детей, гуляющих с боннами в лондонском Гайд-парке.

Мы ходили по деревне, где улицами служили деревянные мостки, заходили в дома, знакомились с людьми. В основном это были старики и дети. Нам рассказывали, что жители деревни выращивают зерно, ловят рыбу. Никакими удобрениями не пользуются. Основное сельскохозяйственное орудие — мотыга. Так жили их деды и прадеды. Казалось, ничего не изменилось в жизни этих людей за последние сто лет.

...И снова потянулись берега Нигера. Их украшала зелёная полоса джунглей. Издали они были похожи на растянутый шерстяной шарф.

Наш катер дал пронзительный свисток. Гулким эхо отозвался гудок идущей нам навстречу





самоходной баржи. Приложив к глазам бинокль, мы увидели на палубе груды белых тюков с чёрной надписью: «Каучук».

А через час катер причалил к широкой пристани. Около неё стояло несколько барж. На берегу покоились пирамиды тюков с необработанным каучуком. Измождённые люди изваливали их на плечи и поднимались по шатким мосткам на баржи. Несколько поодаль стоял высокий мужчина в коротких штанах и зелёных гетрах. Он держал в руках блокнот и, видимо, записывал количество поднятого на баржи груза. Это был англичанин-чиновник из каучуковой компании. Корни английского капитала ещё не совсем выкорчеваны из недр нигерийской земли. Но народ полон решимости перерубить их.

И снова наш «Агу» рассекает волны Нигера. Мы свернули в один из его рукавов, где обитает множество всякой птицы и животных. Наш катер треском своего мотора поднял целую стаю птиц. Они кружили над нами и явно были удивлены появлению незваных гостей. Берег приближался. На узкой песчаной отмели лежали тени от спускавшихся к воде деревень.

Мы плавали здесь около часа. Наконец Акова, внимательно глядя на берег, сказал:

- Они должны быть где-то здесь.
- Кто они? — поспешили мы переспросить.

— Крокодилы, — ответил Акова и указал рукой влево.

Метрах в пятидесяти от нас на песке замерло несколько крокодилов. Издали они казались маленькими чучелами. Но вдруг лежавший ближе к нам, быстро перебирая короткими лапами, бросился в воду, а за ним и другие. Несколько секунд их морды с застывшими глазами торчали над поверхностью и скрылись в тот момент, когда раздались выстрелы. Наш моряк, стоя на носу катера, целился в хищников. Акова что-то крикнул ему на языке йоруба и поспешил перестроиться:

— Зря старается парень. Всё равно уйдут твари, да и зачем они нам?

...И вот та земля, к которой уже несколько дней было приковано наше внимание, плывёт под нами. Теперь мы летим самолётом. Под крылом — широкая полоса Нигера. Джунгли с воздуха кажутся синеватыми. Привязавшись ремнями, мы сидим в удобном креслах.

Самолёт делает резкий крен. Поток холодного воздуха врывается в кабину. Под нами полыхает сигнальными огнями город. Через несколько минут мы уже едем по ярко освещённым улицам Лагоса — столицы Нигерии. И не верилось, что всего несколько часов назад мы были окружены таинственными джунглями и видели скрывающихся от выстрелов крокодилов.

В Лагосе мы пробыли несколько дней. Видели, как распродают своё имущество, намереваясь убраться восвояси, последние в Нигерии англичане, чиновники бывших колониальных учреждений.

...Снова джунгли. Извилистая дорога бежит среди моря зелени. Вечернеет. Свет фар вырывает из сумерек гигантские стволы баобабов, развесистые кроны пальм. Мы покидаем Лагос...

НАЧАЛЬНИКИ



Вожатые
Только руками разводят:
Все пионеры
В начальниках ходят.

Среди октябрат даже,
Честное слово,
Теперь невозможно
Найти рядового.

Вот в классе,
За партою среднего ряда,
Сидит, развалился,
Председатель отряда.

Левее, с суровым,
Начальственным взглядом,
Сидит заместитель
Со старостой рядом,

Завхоз — завкладовкой
И три санитара,
Хозяева мела,
Бинтов, скипидара.

Правее,
Места захватив угловые,
Сидят барабанщики
И звеньевые.

За ними,
Склонившись над кипой
бумажной, —

Редактор газеты,
Надутый и важный.

А дальше,
К суровой «Камчатке»
поближе,

Сидят те,
Кто чином и рангом пониже:



Учётчик, физорг,
Костровой, запевала,
Горнист...
Перечислить всех,
Времени мало!

Вздыхают вожатые,
Списки проверяя:
Где взять рядовых
Октябрат, пионеров?

У всех, понимаешь,
Посты, назначения.
Некому дать
Пустяка-поручения!





Алексей ОПАНАСЮК

Рисунки В. ГЛУЗДОВА

Поле сильно пахнет. Чем оно пахнет? Андрюшке кажется, что конфетами. Особенно тогда, когда вест в лицо ветер. Ветер там, за кукурузой. Ему там постелила белую постель гречиха.

— Кто сюда носит конфеты?

— Конфеты, спрашиваешь? Гм, конфеты... Их носят пчёлы.

Дядя Дмитрий запустил обе руки в двигатель и над чем-то колдует. Мотор то затихает, то рычит, будто его режут.

— Дядя Дмитрий.

— Ну?

— А у нас рубашка мокрая.

— Это ничего, что мокрая.

— А что это белое такое, как снег, выступает?

— Как снег, говоришь? Нет, это не снег...

— А что же это?

— Это соль.

Дядя Дмитрий садится за руль. Трактор загудел сильнее и покатился.

Андрюша остаётся один. Он долго наблюдает, как ползёт по кукурузе трактор. Кукуруза ещё невысокая, но её стебли уже ровень с передни-

ми колёсами машины и качаются за трактором, будто растревоженные волны.

Вечер подкрадывается незаметно. Приходит в село со стороны реки, из долины, из тех кустов, где и среди белого дня сумерки.

Люди возвращаются с поля. Последними покидают его трактористы. Дмитрий Давигора идёт через всю улицу, которую называют в селе Давигоровкой. Он живёт в конце улицы. Там Давигоры от деда-прадеда живут. От них пошло и название улицы.

Андрюшка каждый раз с восхищением смотрит на тракториста Дмитрия Давигору. Что-то влечёт к нему. То ли руки, которыми, говорят, он железо гнёт, словно тончайшую проволоку, то ли добрая улыбка, которая никогда не сходит с его лица.

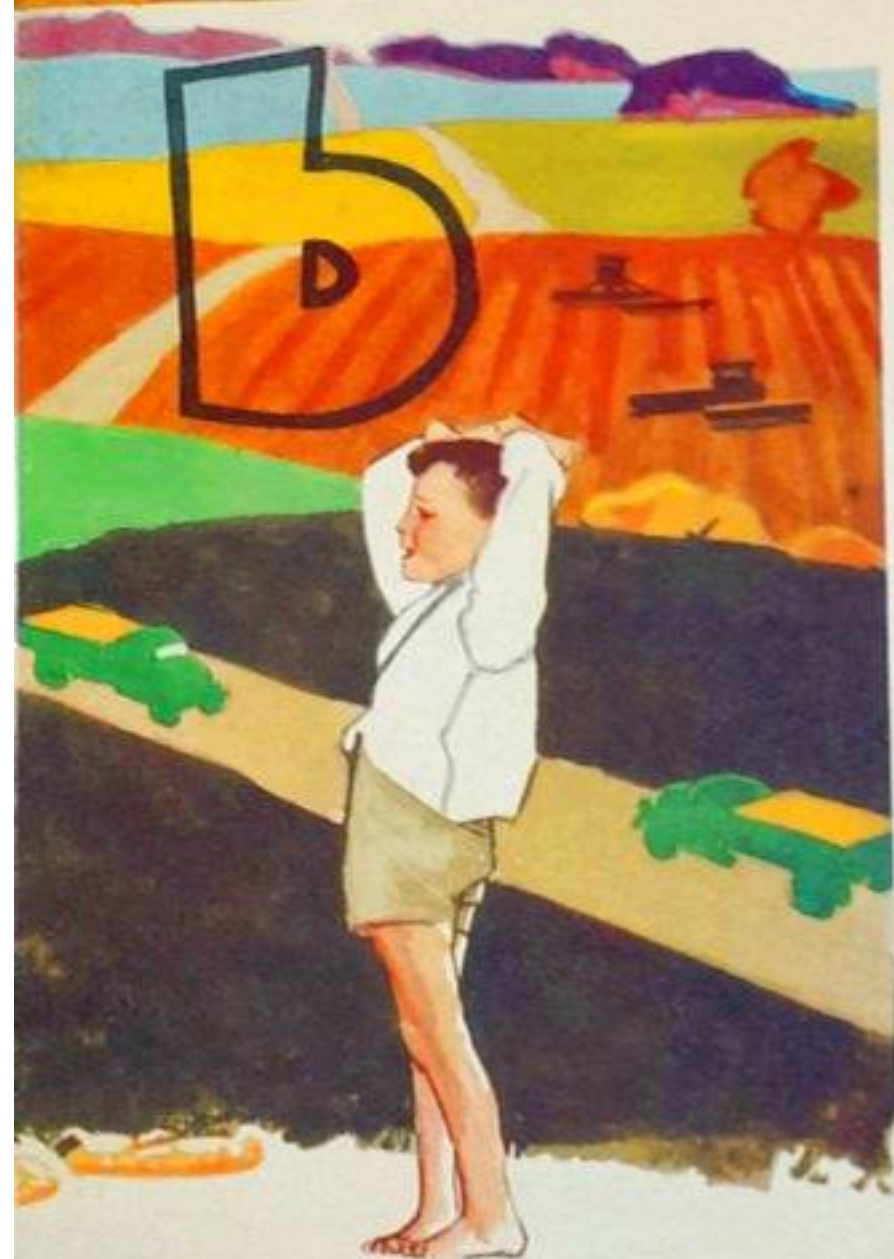
— Дядя Митя...

— Ну что такое, Андрюшка?

— А где наша соль? Куда вы её деваете?

— Соль где девается, спрашиваешь? Приходи осенью. Расскажу. Придёшь?

— Приду.



— Ну вот и хорошо.

Андрюшка каждый день ходит в поле.

Кукуруза растёт, как из воды. Уже перед тем, как Андрюшка шёл в школу, она была высокой-высокой. Такой, как лес. Зайдёшь тогда в неё — и не видно тебя. Только султаны, напившись солнца, желтеют над головой, да небо синее маленьким лоскутом.

...Осень. Поле становится голым и бескрайним, как небо. Везде тишина. Ни души. Только где-то далеко рокочет трактор и над горизонтом лениво взмахивает крыльями одинокая птица.

Андрюшка идёт туда, где рокочет трактор.

Дядя Дмитрий грузит початки в прицеп. Их целая гора. Солнце где-то там, по ту сторону горы.

— Здравствуйте, дядя Дмитрий!

— Здорово, Андрюшка!

— Дядя, а где ваша соль?

— Нет соли. Золотом стала. Видишь?

Андрюшка стоит и смотрит на высокую жёлтую гору. Какая она высокая! Если взобраться на кабину, и то не будешь выше этой горы. Початки гулко стучат о днище прицепа, а дядя Дмитрий тепло улыбается Андрюшке. Андрюшка говорит:

— Я тоже хочу из соли делать золото. Научите меня.

КЕМ БУДЕТ ВИТЬКА?



Из леса выпорхнули школьники. В поле тепло и солнечно. Ветра нет.

— Кем ты будешь? — спрашивает Витьку Коля.

— Кем я буду?.. Я ещё не знаю...

— Я буду киномехаником, — продолжает Коля. — Ты понимаешь, — каждый день кино буду смотреть!

— А я председателем колхоза. Он тоже бесплатно кино смотрит.

Мальчуганы слышали жалобный визг. В бурьяне скулил щенок. Голодный, худой, из глаз текли слёзы.

— Бедненький, — говорит Витя. — Давайте возьмём его с собой, будем присматривать.

— Зачем он нам? Если б он был большим, здоровым. А то... Возня одна...

Группка мальчуганов удалилась. Витя остался. Он видел, как много в поле солнца и как жалобно смотрит на это солнце выброшенный кем-то щенок.

Витя взял щенка и пошёл следом за друзьями.

«Колхозный сад будет сторожить, когда вырастет», — думал он.

Мальчики оглянулись и крикнули:

— Витька, мы знаем, кем ты будешь.

— Кем?

— Ты будешь собаководом.

Кем будет Витька, уже ясно: хорошим человеком.

Перевод с украинского
Н. МУРЧЕНКО





Вадим СКОМОРОВСКИЙ

Рисунки О. ЖИВОТКОВА

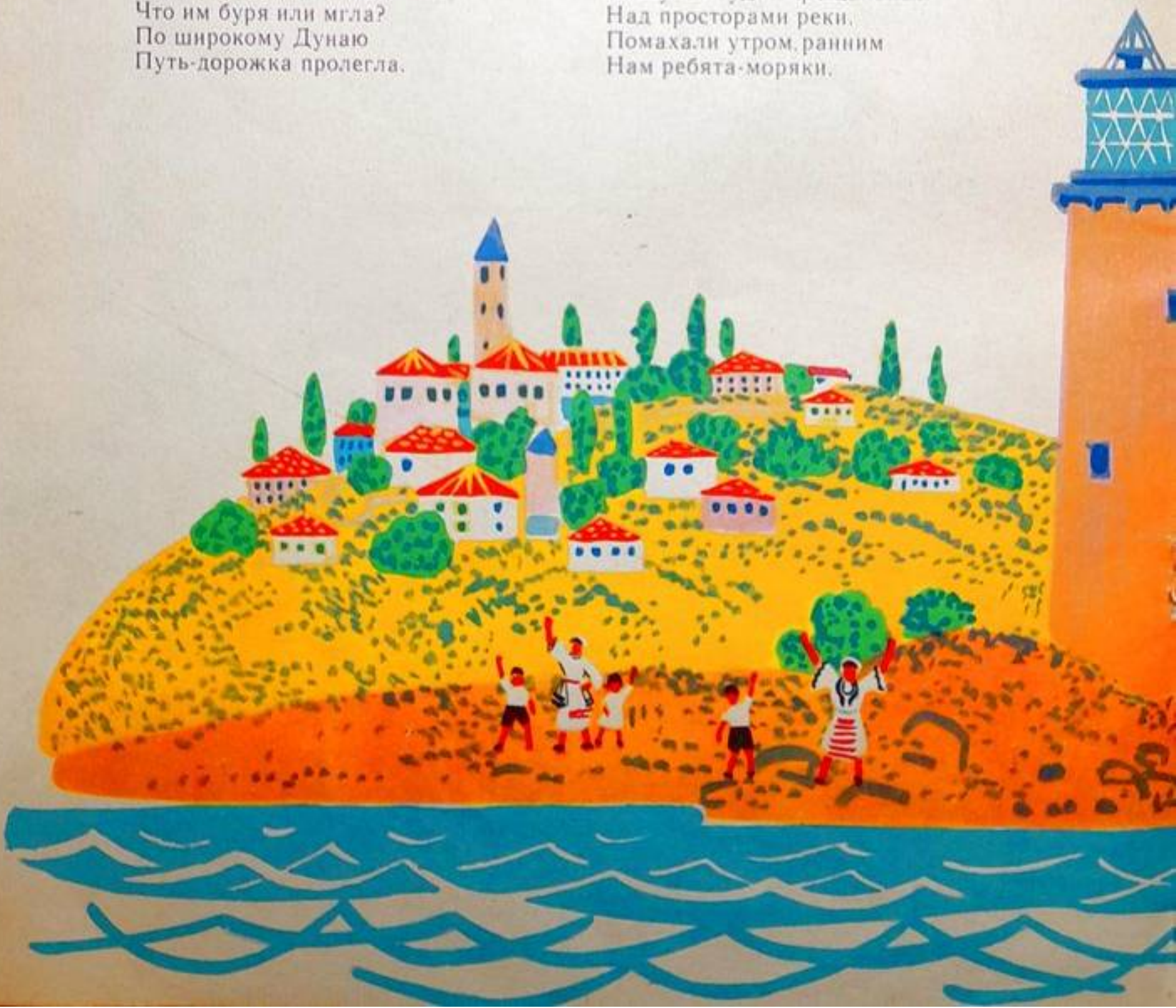
ПРОЗВУЧАЛ ГУДОК ПРОЩАЛЬНЫЙ

Прозвучал гудок прощальный
Над просторами реки.
Отплывали утром ранним
Наши хлопцы-моряки.

Что им дождь и тьма ночная,
Что им буря или мгла?
По широкому Дунаю
Путь-дорожка пролегла.

Их тепло болгары встретят
Словом радостным: «Здравей!»
Не сыскать на целом свете
Дружбы крепче и верней.

Отзвучал гудок прощальный
Над просторами реки.
Помахали утром ранним
Нам ребята-моряки.



ВИШНЯ

Не в саду под солнцем мая,
Не на улице села,
А в порту возле Дуная
Как-то вишня расцвела.

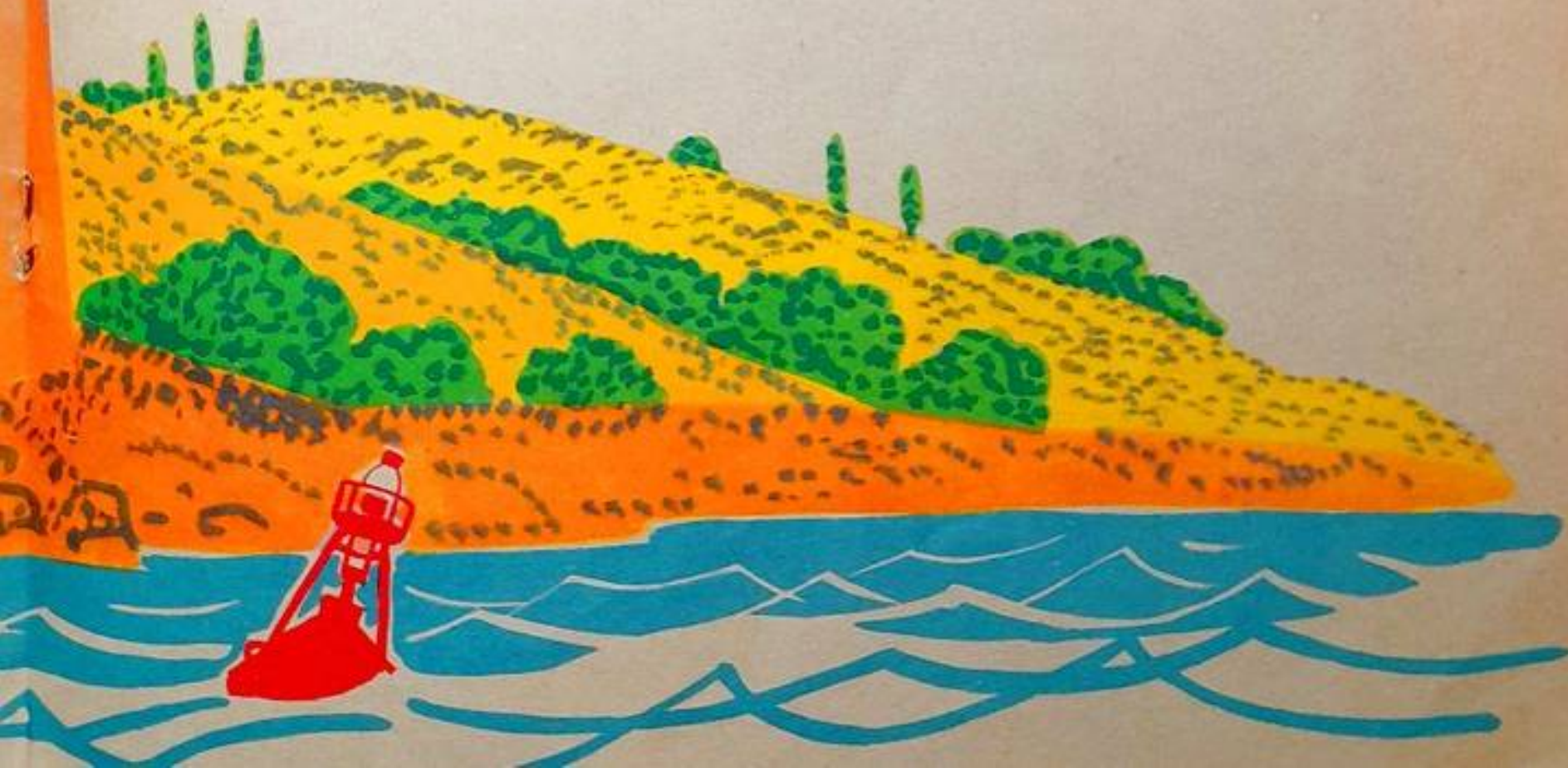
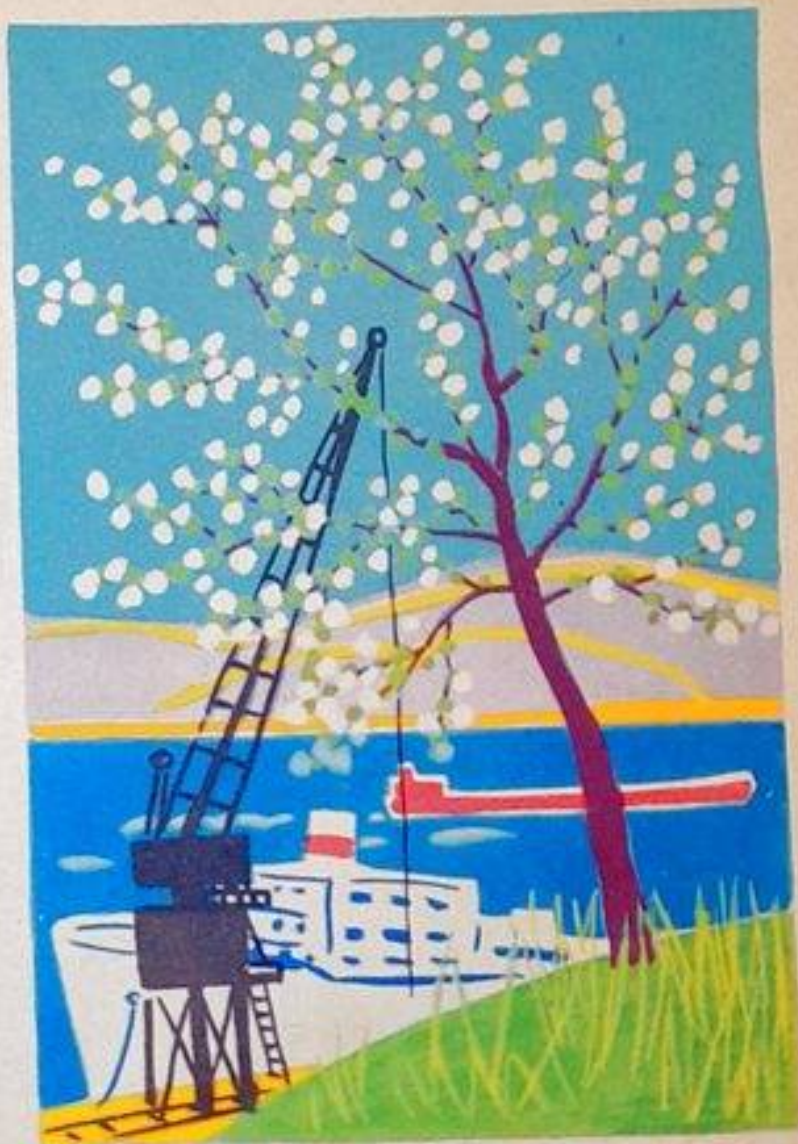
Встала утром над волною
В белом платье — стройна,
Словно пеною речною
Вся забрызгана она.

Проплывают пароходы —
Шлют ей весело гудки.
В гости к вишенке приходят
Каждый вечер моряки.

Хоть не раз они бывали
В дальнем и чужом краю,
Но нигде не забывали
Вишню милую свою.

Ведь она сквозь шторм и ветер
Возвращения их ждёт!
И как будто руки — ветви
Им при встрече подаёт.

*Перевод с украинского
В. ШКОДЫ.*





СЕРЫЙ УТЁНОК

Анатолий ШИЯН

Рисунки Н. КОСТЕНКО

Тишина.

Спят камыши, спят прибрежные травы, спят и цветы. Не гудят над ними пчёлы, не целует их тёплый ветер, не голубит ласковое солнышко. Как закуталось оно с вечера в багровую тучу, так

и легло отдыхать за далёкими горами, за дремучими лесами.

Спят спокойно под мамиными крыльями пушистые утята. Может, снятся им чудесные сны, только кто же об этом знает?

Так минула тёплая весенняя ночь.

Солнце ещё не взошло. Над озером расстелил длинные косы туман. Вдруг под ветками лозы плеснула щука, охотившаяся на малька. Закипела вода, и пошли по ней круги до самых листьев, на которых сладко спала белая нежная лилия.

«Не будите меня... Не будите! Я хочу ещё немного подремать».

«Как можно спать, если на востоке уже загорелась заря, — отозвалась кувшинка, распуская лепестки своего пышного бутона. — Я хочу видеть восход солнца. Хочу почувствовать его тепло».

И солнце, словно подслушало желание кувшинки, выглянуло из-за горизонта. Оно перецеловало каждую травинку и каждый листочек, омытый утренней росой, голубило и согревало их своим животворным теплом.

Не дремали и утята. Вместе с мамой они уже были на воде, прислушиваясь к её разумным наставлениям.



— Ках! Ках! Смотрите же, детки, не уплывайте без меня на чистый плёс, чтобы не стряслась с вами беда. Вас может схватить хищный коршун и жадная щука... Можете и заблудиться. Гляньте, какие тут высокие и густые камыши.

Утята слушали эти наставления и обещали никуда от мамы не отплывать.

— Вот и молодцы! А теперь я вам покажу место, где растёт много вкусной ряски.

Все двинулись следом за мамой, а sereneкий утёнок, заметив, как мимо него проплыла серебряная верховодка, пустился её догонять. Но юркая рыбка неожиданно исчезла в густых водорослях.

Серый утёнок так увлёкся охотой, что и не заметил, куда же исчезла мама, а с нею братишки и сестрёнки.

Но что это шуршит в камышах, вот там, впереди? Утёнок насторожился. На воде появился челнок-душегубка, а в нём старый рыбак в полотняной сорочке, в соломенном брыле, с веслом в руках.

Заметив утёнка, он закричал, подманивая его к себе:



— Тась! Тась! Тась!..

Но тот не шевельнулся, только очень внимательно следил за каждым движением деда.

— Ну подплывай же! Подплывай ближе, не бойся! — И дед, пошарив в кармане, вытащил хлебную горбушку, отломил несколько маленьких кусочков и бросил в воду.

— Ешь!

Утёнок схватил первый кусочек, проглотил.

— Что, вкусно?

В минуту на воде ничего не осталось.

— Ну и хватит. Это мне будет, — сказал рыбак и сунул горбушку снова в карман. — А ты чего тут бродишь один? Где твоя мать? Заблудился, наверно? Ах ты, озорник! Гляди, чтобы тебя коршун не схватил! — И дед тихо повёл свой челнок в открытое озеро.

Серый утёнок плавал по озеру до самого вечера.

А когда солнце село, домой вернулась мама со всеми братишками и сестрёнками.

Мама была очень недовольна серым утёнком и крепко оттрепала его за крылышко и за чубчик, строго приказав никогда больше не отлучаться.

Шли дни и ночи.

Утята подросли, покрылись перьями. Они уже свободно могли перелетать через большие разводы родного озера.

И вот однажды утром мама сказала:

— Ках! Ках! Сегодня, дети мои, будем тренировать крылья.

— А зачем их тренировать? — полюбопытствовал серый утёнок, и мама стала рассказывать:

— Скоро наступит такая пора, когда нам придётся улетать в тёплые края. Это будет далёкий путь и очень тяжёлый. Перед нами будут реки и степи широкие, и моря глубокие... А на тех морях иногда бушуют штормы, поднимают волны высокие, как горы. На них не сидеть и воды не напьёшься, потому что вода в морях солёная. Поэтому, дети мои, чтобы преодолеть все эти препятствия, надо иметь очень сильные крылья.

— Ой, мамочка! — закричал серый утёнок. — Зачем нам так далеко улетать?

— Ках! Ках! — и мама усмехнулась. — Вы ещё не знаете. Вы никогда не видели снега. А кончится лето, начнутся холода с осенними дождями... А там ударят морозы, скуют льдом реки и озёра... Что же мы будем есть?

Этого дня ему не забыть никогда. Ведь перед глазами серого утёнка раскрылся невиданный до сих пор широкий простор, которому, кажется, конца-краю не было.

Внизу проплывали дуга с голубыми озёрами, с копнами сена. Паслись на этих лугах стада, виднелись сёла и посёлки, синели леса, а между ними, извиваясь в зелёных берегах, блестела на солнце речка, и ей тоже, казалось, не было конца-краю.



Весь день с небольшими передышками утиный выводок летал над Десной и только под вечер, крепко утомившись, вернулся на родной островок.

Теперь уже никто из утят не забирался под мамины крылышки, а все располагались в траве и по очереди сторожили, чтобы случайно не попасть под смертельное оружие охотника.

И всё же эта встреча вскоре произошла. Ещё не взошло солнце, только горела на востоке алая заря, а над водой плыл туман, как вдруг в камышах послышался мамин крик:

— Ках! Ках! Охотник!..

Серый утёнок увидел человека в высоких резиновых сапогах, в пиджаке, подпоясанным кожаным поясом. Серый утёнок следил за каждым его движением.

Так же внимательно следил за ним старший братик, но неосторожно он зацепил крылышком камышинку... И в тот же миг охотник остановился. Из ружья блеснул огонь, и повисло в воздухе облачко дыма.

Вскрикнул от боли братик, и вскрикнула сестричка. Заметались они оба по воде, забили по ней крыльями. Послышался ещё один выстрел, и всё стихло. А чуть в стороне поднялась в воздух утиная стайка.

Серый утёнок хоть и перепугался, но ему не терпелось узнать, почему вскрикнули братик с сестричкой, почему не полетели вместе с мамой.

Он осторожно двинулся вперёд, но не выплыл из густых камышей, чтобы не попасться на глаза беспощадному охотнику.

Братик и сестричка лежали неподвижно, а к ним уже плыл по озеру лопухий пёс.

Засуетился серый утёнок, взлетел вверх. Вслед ему прозвучал запоздалый выстрел. Тонко и жутко просвистели дробинки, не зацепив ни одного пёрышка.

Озеро с охотником осталось позади, и только тогда утёнок немного пришёл в себя.

«Где же моя мама? Где мои братики и сестрички? Куда улетели? Как их теперь разыскать?»

Долго летал серый утёнок, пока не заметил в



дальних лугах большое озеро, заросшее густыми камышами. Между ними на чистых плёсах плавали стайками дикие утки.

«Наверно, там и моя мама».

Серый утёнок опустился на воду, но, к сожалению, ни мамы, ни братиков с сестричками там не оказалось.

«Что же делать? Где их разыскивать? Побуду здесь до вечера, а на закате вернусь на родное озеро, — там наверное встречу с ними».

Миновал день. Скрылось за горизонтом солнце, но ещё алела заря.

Серый утёнок кружил над родным озером, внимательно разглядывая с высоты, не притаился ли где-нибудь охотник. И только потом, убедившись, что нет никакой опасности, камнем ринулся вниз и спрятался в камышах.

— Мама! — звал он потихоньку. — Мама, отзовись! Братики и сестрички, отзовитесь!

Но никто не отзывался. Вокруг стояли высокие камыши и густая рогоза. И в кустах лозы не шевелился ни один листочек — такая была тишина.

Василий ДИДЕНКО

ЛЕТО

В поле жито частое
Зацвело.
Входит лето красное
К нам в село.

Кличет лето из дому
В зелен-сад.
Вырезает дудочки
Для ребят.

Расцветает розами
Во дворе.
Вьёт венки нарядные
Детворе.





На западе уже совсем погасла заря. Засияли в небе первые звёзды, отражаясь в озере. Серый утёнок выбрался на островок, примостился в траве.

Но спать пришлось недолго, потому что вскоре что-то тихонько зашумело. Утёнок открыл глаза. Вокруг было очень темно. Исчезли звёзды, их закрыли тяжёлые тучи, из которых сыпался мелкий холодный дождь.

С каждым днём всё больше желтели и блёкли травы. Солнце подымалось поздно. Иногда его скрывали тучи, и из них целёхонький день моросил надоедливый дождь.

Но случались, хотя и редко, погожие дни с таким голубым ясным небом, что казалось, снова наступает весна. И в голубизне неба всё чаще появлялись журавлиные ключи.

Серый утёнок следил за ними и понимал, что птицы улетают в тёплые края, о которых рассказывала ему мама.

«Может, и мне пора отправляться в дорогу? Только как же отправляться, если я не знаю, куда лететь? Подожду ещё. Должны же прилететь за мной мама, братики и сестрички».

Долго ждал их серый утёнок, но они не прилетели. А через несколько дней подул с севера холодный ветер, принёс с собой тучи, и — диво дивное! — из туч посыпался не дождь, а слетали миллиарды мотыльков. И от них всё кругом побелело. Только вода казалась чернее, чем всегда.

«Это, наверно, снег», — догадался серый утёнок, увидев такое диво. Теперь он понял наконец, что больше нельзя ожидать маму, братиков и сестричек. Верно, их подстрелили где-то зоркие охотники. Оставаться здесь тоже нельзя, непременно умрёшь с голоду.

Хоть и не хотелось покидать родное озеро, но иного выхода не было. Заметив в небе запоздалую стайку, улетавшую в тёплые края, серый утёнок взмахнул крыльями и, догнав птиц, присоединился к ним. Присоединился и полетел в далёкий, трудный и неведомый тёплый край.

А через две ночи ударил жестокий мороз, сковал реки, заводи, озёра, да ещё и покрыл их белым-белым, как лебяжий пух, снегом.

Лежать ему теперь до самой весны.

*Перевод с украинского
В. КАРАСЕВОЙ*

СТЕПНЯЧКА

Встало солнце из тумана,
Месяц спать ушёл за тын...
Чуть заря, девчурка Ганна —
Снова около машин;

Снова в поле, в чистом поле,
Где комбайн ведёт отец,
Где стрижи поют на воле,
Где цветёт в песках чабрец;

Где ручей бежит-струится,
Пропадая там, вдали;
Где и просо и пшеница
Пахнут соками земли.



Ганна с лаской и с поклоном —
И к ручью, и к чабрецу.
Зачерпнёт воды студёной,
Принесёт попить отцу.

Всё щебечет, словно птичка,
Всё снуёт туда-сюда...
Ай, Ганиуса, —
Невеличка,
А степнячка хоть куда!

*Перевод с украинского
С. ПОГОРЕЛОВСКОГО.*

Рисунки Г. ТУЛЬЧЕВСКОЙ

НУ И КАВАЛЕРИЯ!

(Отрывок из повести)

...Не знаю, сколько я уже на селе: неделю, две или больше? Так быстро проходят дни и так интересно, что даже нет времени вести дневник. Записываю только самое главное и иногда посылаю домой письма. Полюбил деда и бабу, полюбил своих братьев. С ними так хорошо, весело! Дважды ходил с бабушкой в детский сад, в котором она работает поварихой. Читал малышам книжки. Занимался физкультурой, чтобы быть подготовленным к походу в Гайдамацкий яр. Но что-то Сашко тянет с этим походом...

Сегодня я один дома на хозяйстве. Накормил, наполнил свинью. Нарвал огурцов на огороде. Наелся вишен. Стрелял из бузинного пугача по воробьям, чтоб не клевали подсолнухов... Скучно одному. Ребята почему-то не приходят. И собак даже дома нет: дед забрал их на бахчу, чтобы ворон и воробьев гоняли... Сел под яблоню, начал читать «Гайдамаков». Аж заплакал, когда Гонта убил своих детей. Может, и Гонта был в том Гайдамацком яру, в который мы собираемся идти? Надо будет расспросить у дедушки...

Где-то на чердаке закудаhtала курица. Вспомнил просьбу бабушки: «Только услышишь, что курица снеслась, сразу же заведи яйцо, чтоб не разбилось». Пошел на чердак. Возле гнезда, сплетенного из соломы, стояла большая белая курица и так орала, что в ушах закололо. Согнал её с чердака. В гнезде увидел два яйца: одно чистое, другое испачканное. Чистое положил в карман, а грязное оставил (так меня бабушка учила). Включил фонарик и начал осматривать чердак. На перекладине в паутине висела какая-то шкурка: не то кошачья, не то собачья... В углу, в куче лохмотьев, увидел железную каску и широкий заржавленный штык. Обрадовался: это же как раз то,

что нам нужно! Забрал свою находку и — в кусты бузины, чтобы рассмотреть. Вдруг послышался бабушкин голос:

— Игорь, где ты?

— Тут! — отозвался и побежал.

— Свинью кормил?

— Кормил, — говорю, — и воду давал, и щипцу.

— Почему же она визжит, как сумасшедшая?.. Наверное, жарко. Хорошо бы ей в болоте полежать, — сама с собой заговорила бабка.

— Кому в болоте? — спрашиваю.

— Да нашей барыне-свинье. Соседские ведь пасутся. Куда-то и Мироновы погна-ли на леваду своего кабанчика...

Я понял бабушкин намёк и говорю:

— Давайте и я погоню!

— А ты пасти умеешь?

— А почему бы нет?.. И ребята помогут. — Мне очень хотелось повидать Сашку и Петра и рассказать про то, что я нашёл у деда на чердаке.

Бабушка подумала и сказала:

— Да оно бы не помешало, хоть на часок-другой. Такая жара... Садись, подей молока и погонись.

Свинья шла охотно и с удовольствием похрюкивала. Видимо, она уже хорошо знала дорогу на леваду. Вот и Петро. Он сидит на пеньке вербы и строгаёт стрелу из камышины. Рядом пасётся огромный рябой кабан.

— А где же Сашко? — спрашиваю.

— Где-то с отцом. Наверное, купают в речке колхозных лошадей. Собирались...

— И Сашко верхом на лошади ездит?

— Ого, ещё как! — с гордостью ответил Петро. — Отец ему разрешает, потому что он ему всегда помогает в конюшне.

— А ты?

— Не разрешают, говорят, ещё не дорос...



Бабушкина свинья подошла к кабану, обнюхала его пяточок, и вместе они разлеглись в болоте. Тут я рассказал Петру про свою находку на чердаке.

— Красота! — говорит. — Вот теперь двинем в Гайдамацкий яр. Сашко ещё хочет выковать копье, чтоб хорошо вооружиться.

Я смотрел на зелёные склонившиеся вербы, на высокие камыши. Слушал, как совсем близко звал кого-то уда: «Вот тут-тут, вот тут-тут!» За вербами слышался гулкий топот конских копыт. Мы оглянулись. Увидели Сашку, который мчал на сером белогривом коне. Вскочили и побежали навстречу.

— Сашко, дай и я покатаюсь! — попросил Петро.

Тот лихо осадил коня.

— Куда тебе, короткононому?.. Гусар крутнётся — так и полетишь в болото!

Конь действительно был горячий, беспокойный. Всё время грыз удила, бил копытом, танцевал на месте, ржал, поглядывая на речку, где стоял табун коней.

— Ты же сам говорил, что перед походом нам нужно хорошо научиться ездить верхом, — настаивал Петро. — Дай хоть Игорю, а потом уже мне.

Тут и я начал просить. Сашко выслушал нас и сказал серьёзно:

— Вы сперва на свиньях научитесь ездить, а потом уже на жеребцах, — и поскакал вдоль берега.

Петро посмотрел ему вслед и грустно произнёс:

— Задаётся. Если бы мне отец разрешил, я бы ещё лучше ездил...

Уселись в тени под вербой. Петро молча смотрел на свиней, которые по-прежнему паслись. Повернулся ко мне и спрашивает:

— Игорь, а знаешь, что я придумал?

— А что?

— Давай в самом деле на свиньях покатаемся! А?

— Разве можно на свиньях ездить?

— Ого, ещё как! Сашко наш тоже когда-то ездил.

— Так на них же грязища, — говорю.

— А мы их вымоем и высушим!

— А за что и как мы будем держаться? — спрашиваю. — У них же ни гривы, ни уздечек нет.

— Подумаешь... — не унимался Петро. — У меня есть верёвка. Как сделаю стремяна, как привяжу, и можно летать, как Сашко на жеребце! — И он достал из

кармана целый клубок прочной верёвки.

Я сомневался, не представлял себе, как это можно ездить на свинье. На пони я ездил. Они хоть и маленькие, а похожи на лошадей. А это... Как-то странно и смешно. Неугомонный Петро всё же уговорил меня. Признаться, мне самому очень хотелось покататься верхом. Нарвали травы, подогнали свиней к воде. Начали обмывать и вытирать. Свиньям это понравилось. Они легли вверх животами и похрюкивали от удовольствия. Искупали, перегнали на чистую траву и ждём, пока просохнут. Я слежу, чтобы снова не полезли в болото, а Петро мастерит стремяна.

Закончил. Крепко-накрепко привязал их на свиньях. Взял в руки хворостину и скомандовал:

— По коням!

Свиньи вертелись, не хотели, чтобы на них садились. Но когда Петро дал им по куску пирога с вишнями — успокоились, и мы просунули ноги в стремяна.

— За мной! — крикнул Петро и помчал, размахивая хворостинкой, точно саблей.

Ударил и я свою свинью пятками. Она взвизгнула, несколько раз покрутилась на месте и во весь дух побежала следом за кабаном.

Лечу я! Дух захватывает от радости, хотя и чувствую, что вот-вот упаду: не за что держаться. Ноги мои уже пролезли сквозь стремяна и волочатся по траве, по грязи. Но что мне ноги, когда так хорошо ехать верхом! Петро вырвался далеко вперёд и кричит «Урра-а-а!» Вдруг его кабан круто повернул в глубокую лужу, лёг и придавил Петра. Не успел я расхохотаться, как моя свинья, не то испугалась, не то по какой другой причине, как вильнёт в сторону, как прыгнет, так я и полетел назад. Правда, не ударился, потому что упал на что-то мягкое. От неожиданности свинья остановилась. Я хотел подняться — не могу: левую ногу стремя петлёй затянуло. Свинья рванулась и потянула меня за ногу. Я поймал её за хвост, хотел остановить. Эге, она как пошла, как потянула меня через все лужи, через болото, по кочкам, по камышам. Я испугался, начал кричать, а свинья тя-

нет ещё шибче. Рубашка моя задралась, нос, рот и глаза залепила болотная жижа, спину царапает... А она визжит и волочит меня через канаву, через весь наш огород. Остановилась только во дворе, у своего хлева.

— О, господи, что это?! — слышался испуганный бабушкин голос. Подбежала, помогла мне освободиться от стремени, вытерла платком лицо.

— Как это случилось, Игорь? — спрашивает.

Я во всём признался. Она помолчала и говорит сердито:

— Хорошо же ты пас свинью!.. А я на тебя понадеялась... Счастье твоё, что деда нет дома... Он не любит таких проделок. Иди к корыту, умойся, а я поищу зелёнку...

Я умылся, переоделся и глянул в зеркало. Щёки поцарапаны, на лбу шишка, словно оса укусила, губы распухли. И так стыдно, хоть плачь. Вошла бабушка. Мажет мне лицо зелёнкой и приговаривает:

— Ну и придумали, ну и кавалерия!.. Ишь, как губы распухли. А всё из-за глупости... Это, наверно, Мироновы сорванцы такое придумали, да?..

Мне не хотелось выдавать Петра, и я говорю:

— Да нет, это я сам так.... Больше не буду...

Бабушка разукрашивает меня зелёнкой, кого-то ругает, а я думаю: «Интересно, как же там Петро выбрался из-под здорового кабана?»

— Теперь лежи. Есть будешь?

— Спасибо, — отвечаю.

— Губы болят?

— Болят, — и попросил бабушку, чтобы она не рассказывала деду про свинью.

— Да уж не расскажу... Разве что сам узнает... — и вышла.

А мне так было стыдно и больно, что и от ужина отказался, так и лёг спать голодный...

Перевод с украинского
Е. ЧЕПОВЕЦКОГО.

ГРОЗА



Ляється дощ. Гримить довкола,
Мов гуркочуть тягачі.
А дідусь:
— Це їдуть в поле
Паляниці й калачі.

Воду п'є земляця шерхла,
Легко дихають ліси.
Мчать вантажені доверху
Понад хмарами вози.

Дід всміхнувся. А я вже знаю,
Про які це він вози...

Стануть добрим урожаєм
Щедрі струмені грози.

Стане пишним караваем
Чисте, вмиване зерно.
Злива ниви поливає,
Б'ються краплі у вікно.

Гуркотить над шляхом саме,
Розгойдалися куші, —
Ніби й справді мчать возами
В наше поле калачі.

„ТРОИСТЫЕ МУЗЫКИ“

Мы вам уже рассказывали о кобзе или бандуре — самом популярном на Украине народном музыкальном инструменте.

А теперь расскажем о трюистых музыках. Слышали про такой музыкальный ансамбль? Трюистыми музыками он называется потому, что состоит из трёх музыкальных инструментов. Ан-

самбль этот появился очень давно, ещё в 17 столетии, и был очень распространён в украинском быту. Он выступал на народных праздниках, а чаще всего на свадьбах.

О трюистых музыках есть упоминание и в стихах Т. Г. Шевченко:

Та куплю я, мамо, черевики,
Та найму я трюісті музики.

В этот ансамбль входят такие инструменты: скрипка, бубен и цимбалы или — скрипка, басо-ля и бубен.

Скрипка — это смычковый инструмент, который издавна существует во всём мире. Для того, чтобы скрипка имела приятный и чистый звук, над ней трудились и трудятся много мастеров всего мира. Особенно прославилась своими скрип-

НАШ КОНКУРС

Иллюстрация к стихотворению Т. Г. Шевченко «Тогда мне лет тринадцать было».
Лариса Трохимчук, г. Новоград-Волинск.





ками итальянский мастер Антонио Страдивариус. Скрипки его работы считаются самыми лучшими.

Цимбалы, как и скрипка, — тоже очень распространённый старинный музыкальный инструмент. На цимбалах на Украине исполняют чаще всего танцевальную музыку.

Басоля также смычковый инструмент. Размером и строением он очень напоминает виолончель.

Бубен — ударный инструмент. Он существует у многих народов. Кое-где это самостоятельный музыкальный инструмент, а у нас на Украине он входит в инструментальный ансамбль.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Редакция получила много рисунков, присланных на конкурс, посвящённый 150-летию со дня рождения великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко. Лучшие из них мы напечатали в журнале.

Каждый день почтальон приносил увесистую пачку писем. Посылали их октябристы и пионеры, посылали ребята, которые ещё не ходят в школу.

Хороших и интересных рисунков было много. Все их поместить в журнале, конечно, не было возможности.

Назовём лучшие из них. Рисунок Чинчевича из с. Малеев, Днепропетровской обл. (Своё имя мальчик забыл написать). На рисунке изображён летний день, радостно светит солнце, по небу бегут облака. Над рекой маленький Тарас пасёт овец, а вдали виднеется убогая, покосившаяся хата на краю села. На эту же тему очень интересные рисунки прислали: Зина Захарко из г. Белополье, Сумской обл., Наташа Дримко из с. Липовое, Днепропетровской обл., Толя Момот из с. Циркупы, Юра Фигор из с. Сосновка, Львовской обл., Серёжа Лысенко из с. Васильевки, Полтавской обл., Тарас и Женя Химчак из с. Чишки, Львовской обл., Богдан Федунь из с. Добринев, Ивано-Франковской обл., Валя и Коля Отрошко из с. Сеножатское, Черниговской обл.

А Володя Лотоцкий из с. Заложцы, Тернопольской обл. и Валерий Дмитрук из с. Новоселица, Хмельницкой обл. прислали рисунки, изображающие хату родителей Тараса Шевченко.

А вот ещё небольшой рисунок. На нём изображён молодой Тарас, приехавший на Украину, в своё родное село. Утро. Большое красное солнце поднимается из-за леса, первыми утренними лучами приветствует землю, сады. Этот рисунок нарисовала Таня Матвеева из г. Харькова.

Среди рисунков есть иллюстрации к произведениям Т. Г. Шевченко. Наиболее выразительные иллюстрации прислали Зина Тимофеевко из совхоза «Красноградский», Харьковской обл., Лена Крылова из х. Пирново, Киевской обл. и Витя Бражник из с. Ново-Украинки, Запорожской обл. — к стихотворению «Садок вишневый коло хати»; Светлана Шуляренко из с. Берестовец, Житомирской обл. — к стихотворению «Реве та стогне Дніпр широкий».

Многие рисунки на первый взгляд кажутся интересными. Но когда мы их внимательнее рассмотрели, то увидели, что они срисованы с чужих рисунков, напечатанных в книгах и журналах. Ценно только то, что ты сам придумал и самостоятельно нарисовал.

Некоторые рисунки по замыслу интересны, но закончить их юный художник не смог — не хватило терпения.

Редакция выносит благодарность всем, кто принял участие в конкурсе.

На обложке рисунок
А. Горобиевской
Макет Е. Колесова

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Т. И. Воляга, В. М. Григорьев, Н. Л. Забала, О. Д. Иваненко, В. З. Нестайко, А. И. Пархоменко, М. А. Пригара, Б. И. Чалый (ответственный редактор), Н. Е. Шевченко, Ю. Ф. Ярмыш.

Адрес редакции: Киев, ул. Пушкинская, 28. Тел. Б 5-01-75, Б 4-13-07.

Художественный редактор
Г. Г. Сокиринская.

Подписано к печати 20. V. 1964 г.
Зак. 01628. 3 печ. листа 62×94%.
Учётно-издательских 3,5 печ. листа. Тираж 100.000.

Год издания двадцатый.

Цена 20 коп.

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ЛКСМУ
«Молодь».

Издательство и комбинат печати
«Радянська Україна»,
Киев, ул. Довженко, 1.

ВЫШИЙТЕ САМИ

На картон или плотную бумагу нанесите рисунок и раскрасьте акварельными красками. Когда краски высохнут, контуры рисунка проколите толстой иглой.

Для вышивки возьмите шерстяные, шелковые или хлопчатобумажные нитки. На концах ниток узелков делать не нужно. Концы аккуратно заправьте и отрежьте. Хорошо выполненная работа может служить закладкой для книжки.

Если вы научитесь вышивать на бумаге, можете попробовать и на ткани.

Веточку mimозы можно вышить на салфетке, а корзинку, бабочку или рыбку — на подушенке для иголок. Такую работу можно подарить маме, бабушке, сестре в день рождения.

М. ЗОТОВА

